

одного и единственнаго и истиннаго, въ качествѣ рабовъ подчиненные Святой и Единосущной Троицѣ.

Г Л А В А IX.

О томъ, что природно въ Сынѣ достоинство божества, хотя и говорится, что получилъ это отъ Отца ради человечества и образа униженія.

XVII, 11. *Отче Святыи! соблюди ихъ въ имени Твоемъ, еже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, яко же Мы ¹⁾.*

Замѣчай повсюду соединеніе во едино двухъ предметовъ,—то-есть человѣческаго, имѣющаго свойственную намъ ничтожность, и божескаго, обладающаго превышающею все славою. Рѣчь представляетъ смѣшеніе изъ того и другого и, какъ мы подробно говорили въ предшествующихъ разсужденіяхъ, ни божеское не доводитъ до послѣдней высоты, ни выступаетъ совсѣмъ изъ свойственныхъ намъ предѣловъ. И это потому, что Онъ есть Богъ, ставшій человѣкомъ несказаннымъ нѣкимъ и неизреченнымъ соединеніемъ занимая какъ бы среднее какое мѣсто, такъ что ни изъ опредѣленія истиннаго божества не выходитъ, ни оставляетъ совсѣмъ и границъ человечества. Неизреченное отъ Бога и Отца рожденіе, поскольку Онъ Слово есть и Единородное, возводитъ Его въ божескую сущность и въ славу, справедливо слѣдующую Ему. А униженіе низводитъ Его въ подобіе намъ, не принуждая къ сему насильственно Того, Кто вмѣстѣ съ Отцемъ является царемъ надъ всѣмъ,—Единородный никогда не могъ быть вынужденъ къ противному Его

¹⁾ Св. Кир. Чнт. ѿ (аттракція къ *ὁμοῖατι* вм. *ὁ*) согл. больш. автор., вм. *οὐ*, какъ D2, вѣк. Ит. Вг. Гот Кошт Эе. Епиф. Но мн. Ит. Злат. Гил. и Сир. син. оп. до конца стиха. Древнесл. „соблюди я о имени Твоемъ, яже, Ас Гал Мир Ник. е—еже. Кир. якоже мы согл. больш. авт. вм. и мы др. мн. и Слав. ОСА Мар Мир Г.

волѣ,—напротивъ какъ добровольное, изъ любви къ намъ принятое и сохраненное. Вѣдь Онъ унижилъ Себя Самъ (Филип. 2, 7), то-есть добровольно и безъ всякаго принужденія. Въ противномъ случаѣ, то-есть если бы кто въ состояніи былъ всецѣло властвовать надъ Нимъ и приказывалъ бы Ему идти на это, противъ Его желанія, то Онъ оказался бы уже не добровольно подвергшимся состоянію униженія. Итакъ, Онъ унижилъ Себя Самъ добровольно ради насъ. Вѣдь иначе и мы никогда бы не получили названія сыновъ по благодати и боговъ, если бы Единородный не подвергъ Себя униженію за насъ и ради насъ, сообразно Коему, преобразуясь чрезъ причастіе Духа, и сами мы называемся чадами Божіими (Іоан. 1, 12; 1 Іоан. 3, 1) и богами (Іоан. 10, 34—35 изъ Псал. 81, 6). Поэтому, когда говоритъ что либо, соединяя нѣкоторымъ образомъ съ божескимъ и человѣческое, то не соблазняйся этимъ и оставь неразумное изумленіе придуманному несравненному искусству рѣчи, всегда тонко выдерживающему для насъ этотъ двойственный образъ, такъ что говорящій въ одно и то же время является и Богомъ по природѣ и истиннымъ человѣкомъ, прекрасно сочетавая ничтожество чело-вѣчества съ славою неизреченной Природы и безукоризненною и свободною отъ всякаго упрека выдерживая совершеннѣйшимъ образомъ сообразность (рѣчи) по отношенію къ тому и другому.

Говоря это, мы утверждаемъ не то, что природа Слова низошла въ худшее состояніе, чѣмъ была въ началѣ. Отнюдь нѣтъ, ибо такое мнѣніе будетъ не лишено крайней глупости, такъ какъ божество всецѣло безстрастно, не допускаетъ никакого измѣненія, напротивъ сохраняетъ неизмѣннымъ свое состояніе,—но то, что образъ добровольнаго униженія, какъ бы

что необходимости усвоенный видъ смиренія, по чело-
вѣчеству, какъ бы въ низшемъ состояніи, чѣмъ въ
какомъ находится Отецъ, заставляетъ являться рав-
наго Ему и сообразнаго и въ Немъ и изъ Него явив-
шагося Бога Единороднаго ¹⁾). И не удивляйся, если
слышишь, что Сынъ по челоувѣчеству кажется ниже
величія Отца, такъ какъ и Павелъ увѣряетъ насъ,
что Онъ по тому же (человѣчеству) ниже ангеловъ,
когда пишетъ такъ: „мало чѣмъ предъ ангелами ума-
ленного Иисуса, ради претерпѣнія смерти славою и
честію увѣнчаннаго“ (Евр. 2, 9), хотя и святымъ анге-
ламъ заповѣдано поклоняться Ему, „ибо когда, ска-
зано, вводитъ Первороднаго во вселенную, говоритъ:
и да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи“ (Евр. 1, 6;
Псал. 96, 7),—а также и святыя серафимы стояли
вокругъ и занимали служебное положеніе, когда Онъ
являлся пророкамъ „возсѣдающимъ на престолѣ вы-
сокомъ и превознесеннымъ“ (Иса. 6, 1). Итакъ, по-
скольку рѣчь идетъ о подлинномъ и дѣйствительномъ
рожденіи Его отъ Бога Отца, челоувѣческое не есть
собственность Сына. Но, съ другой стороны, оно и
собственность Его, поскольку явился челоувѣкомъ, оста-
ваясь всегда, чѣмъ былъ и есть и будетъ непре-
станно, низведши Себя, ради насъ, въ то, чѣмъ не
былъ.

„Отче, говоритъ, *Святый! соблюди ихъ въ имени
Твоемъ, что далъ Ты Мнѣ, да будутъ едино, какъ Мы*“. Силою и всемогуществомъ неизреченной природы же-
лаетъ охранять учениковъ, со всею справедливостью
усвоя истинному и дѣйствительному Богу силу со-
хранять тѣхъ, кого Онъ пожелаетъ. И этимъ про-
славляетъ опять не другую какую природу, но Свою

¹⁾ Ср. прим. къ Іоан. 1. 18.

собственную, именно какъ бы въ лицѣ Отца, отъ Коего рожденъ какъ Богъ. Поэтому и говоритъ: „*Отче, соблюди ихъ въ имени Твоемъ, что далъ Ты Мнѣ*“, то-есть божественномъ (имени). А дается, говоритъ, имя божества Ему опять не такъ, что Онъ, не будучи Богомъ по природѣ, призванъ къ приобрѣтенному (отвнѣ) имъ достоинству божества. Въ такомъ случаѣ Онъ былъ бы усыновленъ, какъ мы, и имѣлъ бы подложную и приотрѣтенную славу и неистинную природу (божественную), что не подобаетъ намъ мыслить. Поэтому же Онъ пересталъ бы быть и Сыномъ (Божимъ) по природѣ. Но такъ какъ, согласно свидѣтельству божественныхъ писаній, стало плотью Слово (Іоан. 1, 14), то-есть человѣкомъ, то и принялъ, сказано, то, что имѣлъ, какъ Богъ, ибо имя и дѣйствительное обладаніе божественною славою не можетъ природно принадлежать человѣку.

Пойми же опять и уразумѣй точно, какъ Онъ явилъ Себя живою и ипостасною силою Бога и Отца, посредствомъ Коей все совершаетъ. Вѣдь восклицая и говоря: „*соблюди ихъ*“, не удовольствовался только этими словами, но опять искусно ввелъ и Себя Самого, какъ дѣйствующую въ этомъ охраненіи силу и орудіе Родившаго Его, ибо говоритъ „*соблюди ихъ въ имени Твоемъ, что далъ Ты Мнѣ*“. Замѣть точность выраженія. Наблюденіе надъ нами и промышленіе удѣляя и усвояя одной только божественной природѣ, тутъ же утверждаетъ, что по причинѣ человѣческаго вида Его Ему даннымъ оказывается то, что присуще Его природѣ, то-есть „*имя выше всякаго имени*“ (Филип. 2, 9). Посему и говоримъ, что Сыну это принадлежитъ по природѣ, какъ (рожденному) отъ Отца, а по человѣчеству—въ качествѣ дара, такъ какъ принимаетъ какъ человѣкъ, поскольку это относится къ

подобному съ нами челоѣчеству Его. Вѣдь челоѣкъ не есть Богъ по природѣ, а Христось—Богъ по природѣ, хотя мыслится челоѣкомъ, потому что отъ насъ.

Впрочемъ хочеть въ полномъ единомысліи и согласіи желаній сохранять учениковъ, какъ бы соединенныхъ другъ съ другомъ душею и сердцемъ,—и закономъ мира и взаимной дружбы связывать въ нѣкій неразрывный союзъ любви, дабы они достигли такого единенія, чтобы отобразомъ и природнаго единства, разумѣемаго въ Отцѣ и Сынѣ, стало ихъ добровольное соединеніе, то-есть нерасторжимымъ и неослабнымъ, не отвлекаемымъ никакими мірскими предметами или страстями къ несходству желаній, но сохраняющимъ въ единствѣ благочестія и святости неослабною силу любви, какъ это и дѣйствиительно случилось. Такъ въ Дѣянїяхъ Апостоловъ читаемъ: „(у) множества вѣрующихъ было сердце и душа одна“ (Дѣян. 4, 32), очевидно въ единеніи Духа. Тоже самое высказано и самимъ Павломъ: „одно тѣло и одинъ духъ“ (Ефес. 4, 4),—„одно тѣло многіе мы (есмы) во Христѣ, ибо всѣ отъ одного хлѣба причащаемся“ (1 Кор. 10, 17 ср. Римл. 12, 5), и всѣ въ одномъ Духѣ Христовомъ помазаны. Какъ будущихъ сотѣльниковъ (Ефес. 3, 6), участниковъ одного и того же Духа, и желаетъ охранять Своихъ учениковъ въ единствѣ духа, отнюдь не расторгимомъ, и единомысліи невредимомъ.

Если же кто подумаетъ, что и другимъ образомъ объединяются ученики, подобно какъ *одно* суть Отець и Сынъ не по одной только сущности, но и по воленію, ибо одно желаніе во Святой Природѣ и одна и та же во всемъ воля: тотъ можетъ понимать и такъ и не уклонится отъ надлежащаго разумѣнія, такъ

какъ у истинныхъ христіанъ можно видѣть единство-желаній, хотя единосущіе въ насъ и не таково, какъ въ Отцѣ и сущемъ изъ Него и въ Немъ Сынѣ.

XVII, 12—13. *Егда бѣхъ съ ними, Азъ соблюдахъ ихъ въ имени Твоемъ, еже далъ еси Мнѣ, и сохранихъ ихъ, и никтоже изъ нихъ погубе, токмо сынъ погубели, да писаніе исполнится. Нынѣ же къ Тебѣ гряду* ¹⁾.

Рѣчь Спасителя постепенно переходитъ къ болѣе ясному изложенію и неясное въ началѣ теперь разъясняетъ и раскрываетъ, какъ бы изъ облачнаго неба переменяясь въ ясную погоду. Блаженные ученики полагали, что великій вредъ принесетъ имъ удаленіе Спасителя, очевидно разумѣемое съ тѣломъ, ибо ничто не можетъ препятствовать Ему какъ Богу присутствовать съ тѣми, съ кѣмъ пожелаетъ. Но они предполагали, что никто не будетъ охранять ихъ, когда Христосъ вознесется на небо, и они подвергнутся всякимъ бѣдствіямъ, такъ какъ совсѣмъ никого не будетъ изъемлющаго ихъ изъ рукъ притѣснителей, напротивъ они подпадутъ подъ власть тѣхъ, кои безпрепятственно будутъ дѣлать съ ними все, что имъ пожелается, и подвергать ихъ всякимъ преслѣдованіямъ.

Но хотя и премудрыми и Отцами и свѣтилами вселенной сдѣлались они, однакожъ безъ всякихъ коле-

¹⁾ Слав. приб. *въ мирѣ* (А: въ семь, Н: во всемъ) какъ мн. п сир. сив. Сав. оп. *съ ними*. Слав: *во имя Твое*—не соотв. греч. Древнесл. я вм. *ихъ, яже* (Мир Ник. е—*еже*), читая *оуъ* какъ одни вм. *ѡ* какъ другіе п Кир. (т. е. *въ имени, чтѣ...* ср. къ ст. II-му). Послѣ *сохранихъ* Кир. чит. *ихъ* какъ и Асс. я, Мир Ник. е. Слова: *ω δειδωκας μοι* оп. Греч. сив и Сир сив. Мв. греч. оп. и предъ *никтоже*. Ал. *и ни единъ же изъ нихъ погубе*, оп. *не предъ погубе* Гал. Мир. др. *не погубе*. Юр Добр. у Амф. *погубели*—точно вм. *погубельный* др. Ал. *да посаніе исполнится*—точно, Юр. Добр. у Амф: *да скончается писаніе*, всѣ др: *да сбудутся книги*. Сав: *точно* п *приду* вм. *гряду*.

баній считаемъ должнымъ сказать, что имъ надлежало имѣть въ виду не одно только плотское присутствіе Спасителя нашего Христа, но знать, что если и удалялся отъ присутствія съ ними по плоти и хотя не былъ видимъ тѣлесными очами, однакожь безъ всякаго сомнѣнія подобало представлять Его присутствующимъ и находящимся съ ними всегда по Его божественной власти. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Богъ можетъ лишиться Своихъ свойствъ или что воспрепятствуетъ владычествующей всѣмъ Природѣ и въ состояніи остановить Ее какъ бы по необходимости въ дѣйственномъ проявленіи Ея свойствъ? Вѣдь дѣйственностью и силою Божества служить быть вездѣ, наполнять неизрѣченно небо, наполнять также и землю, все вмѣщать и ничѣмъ не быть вмѣщаемымъ, ибо Богъ не объемлемъ мѣстомъ и не ограниченъ ни пространствомъ, ни какими либо предѣлами. Ничего такого не допускаетъ безкачественная, безпредѣльная и безтѣлесная природа.

Итакъ, какъ скоро Христось былъ вмѣстѣ и одновременно Богъ и человѣкъ, то ученикамъ конечно надлежало знать, что хотя бы и отсутствовалъ тѣлесно, не совершенно долженъ отсутствовать, но конечно сопребываетъ съ ними, по неизреченному свойству Своей божеской природы. Поэтому то и Самъ Спаситель ранѣ говорилъ: „Отче Святыи! соблюди ихъ въ имени Твоемъ, что далъ Ты Мнѣ“. А теперь опять *„когда былъ Я съ ними, Я соблюдалъ ихъ въ имени Твоемъ, что далъ Ты Мнѣ“*, какъ бы указуя здѣсь Своимъ ученикамъ на то, что сила охранять кого-либо подобаетъ болѣе дѣйственности божества, а не плотскому присутствію. Вѣдь и самая плоть освящалась не сама собою, но, сопредсутствіемъ съ нею соединеннаго Слова превращаемая нѣкоторымъ

образомъ въ природную Его силу, становится виновницею спасенія, и святости для причастниковъ ея. Поэтому всю божественную дѣйственность мы отнюдь не можемъ усвоить плоти самой по себѣ, но, при правильномъ образѣ мыслей, должны относить ее къ божественной силѣ Слова. И въ самомъ дѣлѣ, охраненіе учениковъ въ имени Отца развѣ не это означаетъ, и ничего другого? Вѣдь славѣ Божіей сохранены они. Итакъ, отклоняя отъ сердца учениковъ страхъ вслѣдствіе мнѣнія ихъ, что Онъ оставляетъ ихъ, и часто повторяя одно и то же, Онъ говоритъ, что полная безопасность ихъ зависѣть будетъ не отъ тѣлеснаго сожителства ихъ съ Учителемъ, но, напротивъ, отъ того, что Онъ былъ Богъ по природѣ. Имѣя непрестанную надъ всѣмъ власть и силу,—ибо Онъ неизмѣняемъ и отнюдь не допускаетъ превращенія въ то, что не пребываетъ всегда одинаковымъ,—Онъ безъ всякаго препятствія будетъ въ состояніи также (и по отшествіи) охранять ихъ и избавлять отъ всякаго приключающагося зла.

Обрати опять вниманіе не скрытую въ этомъ изреченіи заботу о нашей пользѣ и благоустроеніи. Какъ бы вымоливъ у Бога и Отца охраненіе святыхъ, говоритъ, что и Самъ Онъ уже содѣлалъ это, показуя Себя равномоцнымъ и равнодѣйствующимъ Своему Родителю, даже болѣе—самою ипостасною силою Родившаго. Въ самомъ дѣлѣ, кому присущимъ оказывается возможность совершать то же, что можетъ и дѣйствительный и истинный, по всеобщему признанію, Богъ, развѣ безъ всякаго сомнѣнія не должно быть признаваемо присущимъ Ему и равенство во власти и тожество по природѣ? И Тотъ, Кто соблюлъ какъ Богъ *въ имени* Божіемъ, облекшись, вслѣдствіе совершенныхъ Имъ божественныхъ дѣлъ, подобающею

имени славою, какимъ образомъ можетъ оказаться другого естества или иной природы, а не быть дѣйствительно тѣмъ, что есть Богъ по природѣ? Никто изъ существующаго не можетъ совершать свойственныхъ Богу дѣлъ, если это не будетъ по существу Своему тѣмъ, что мы считаемъ за Бога.

Также и здѣсь въ Его изреченіи содержится двоякій смыслъ, по причинѣ воплощенія. Дѣло охраненія и соблюденія тѣхъ, кому это подобаетъ ради благочестія, Онъ какъ бы отнимаетъ у тварной природы и передаетъ *имени* Отца, усвая божественное одной только божественной природѣ. Поэтому опять хотя и говорить, что соблюлъ учениковъ, но совершеніе этого дѣла усвоилъ не человѣческой ограниченности, напротивъ утверждаетъ, что оно исполнено *въ имени* Божиёмъ, ставя Себя какъ бы внѣ этого дѣла, поскольку Онъ былъ и мыслится плотью, и въ тоже время усвая Себѣ силу охранять и совершать божественныя дѣла, поскольку Онъ есть Богъ отъ Бога, вседѣятельная сила Отца, крѣпость не содѣланная, но изъ того, что она есть, являющая природу, откуда она неизреченно произникла. А если и здѣсь опять говорить, что Ему дано имя божества, хотя Онъ есть Богъ по природѣ, поскольку явился отъ Бога Единородный, то нисколько не вредитъ истинѣ дѣла и не лишаетъ Себя подобающей Ему чести и славы,—отнюдь нѣтъ. Вѣдь человѣчеству свойственно получать и это ему преимущественно и должно усвоиться, такъ какъ оно ничего не имѣетъ само по себѣ.

Такъ сохранилъ, говорить, Своихъ учениковъ и такую явилъ о нихъ заботу, что никто не погибъ, кромѣ одного, коего и назвалъ *сыномъ погибели*, какъ обреченнаго на погибель по собственной волѣ, а вѣрнѣе—по своей негодности и нечестію. И отнюдь не

должны мы думать, что по божественному и неизмѣнному суду предатель среди учениковъ былъ уловленъ сѣтью ловца и оказался въ силкахъ діавольскихъ. Въ такомъ вѣдь случаѣ онъ былъ бы и невиновенъ, какъ принужденный верховнымъ опредѣленіемъ. Кто можетъ воспротивиться суду Божию? Но онъ осужденъ, какъ совершившій мерзость, такъ что ему лучше бы было совсѣмъ не родиться (Матѳ. 26, 24). По какой причинѣ? Потому, что онъ, несчастный, избличается совершившимъ это именно по собственной волѣ, а не по принужденію отъ кого-либо. И какъ возлюбившій столь ужасную гибель, справедливо и долженъ называться чадомъ гибели, такъ какъ обреченъ на погибель и уничтоженіе, ожидая дня погибели какъ бы мукъ рожденія и плача.

А такъ какъ къ этимъ словамъ присоединилъ: „да исполнится писаніе“, то считаемъ полезнымъ сказать читателямъ слѣдующее. Не потому, что изрекло писаніе, погибъ предатель и дошелъ до такой порочности, что за нѣсколько сребренниковъ предалъ честную кровь Христа, но такъ какъ ему несомнѣнно предстояла погибель, какъ предавшему Господа по присущему ему злонравію, то и писаніе, коему не свойственно ошибаться, предуказало, что это непремѣнно будетъ. Вѣдь оно есть слово все знающаго Бога и въ Своемъ умѣ носящаго образъ жизни cadaго и поведеніе отъ начала до конца. Такъ и Псалмопѣвецъ, усвоя Ему вѣдѣніе всего, какъ прошедшаго такъ и ожидаемаго въ будущемъ, говоритъ къ Нему въ одномъ мѣстѣ: „Ты знаешь всѣ помыслы мои издалека, стезю мою и удѣлъ мой Ты знаешь и всѣ пути мои предвидишь“ (Псал. 138, 2—3). Итакъ, все напередъ предвѣдая и будущее созерцая уже какъ настоящее, кромѣ всего прочаго, что сказано о Христѣ, божественное

слово предвозвѣстило намъ и о томъ, что погибнетъ предатель, поставленный среди учениковъ. Предвѣдѣніе и предсказаніе будущаго конечно не было желаніемъ и повелѣніемъ Бога, равно и предреченіе не служило принужденіемъ къ совершенію предуказаннаго грѣха и злодѣянія противъ Спасителя,—напротивъ, оно скорѣе отвращало отъ этого, такъ какъ узнавшему это безъ сомнѣнія было возможно, если бы онъ пожелалъ, и отказаться и охранить себя отъ этого, какъ имѣющему свободное влеченіе ко всему, что онъ пожелаетъ.

Но быть можетъ скажешь: какимъ же образомъ охранилъ Христосъ (Своихъ учениковъ), когда по влеченію своихъ собственныхъ желаній и добровольнымъ побужденіямъ прочіе оказываются избѣжавшими дѣвольскихъ сѣтей, а одинъ только несчастный Іуда изъ всѣхъ былъ уловленъ? Какая же, поэтому, была польза отъ упоминаемаго здѣсь охраненія?

На это, благороднѣйшій, отвѣтимъ также и мы, что прекрасно конечно бодрствованіе, весьма полезна крѣпость нашего ума и сила воли къ добродѣтели и совершенію блага, ибо такимъ именно образомъ мы содѣлаемъ „свое спасеніе“ (Филип. 2, 12). Однакожь одного этого будетъ недостаточно для человѣческой души. Вѣдь она необходимо нуждается въ вышнемъ содѣйствіи и благодати, облегчающей для нея препятствія и дѣлающей вполнѣ удобопроходимымъ трудный и скалистый путь праведности. А что у насъ совсѣмъ ничего нѣтъ, что бы не являлось отъ божественной благодати, объ этомъ выслушай слова Псалмопѣвца: „если Господь не построитъ домъ, всеу трудились строители его: если Господь не устережетъ городъ, всеу бодрствовалъ стражъ“ (Псал. 126, 1).

Итакъ, намъ необходимо подобаетъ, утверждаю, съ

одной стороны стараться проявлять свою собственную силу характера и боголюбивое настроеніе и являть себя мужественными въ дѣлѣ совершенія своего спасенія, а съ другой—также просить отъ Бога вышняго содѣйствія, какъ непреодолимаго нѣкоего и несокрушимаго всеоружія, какъ скоро мы рѣшились мужественно подвизаться. И такъ какъ Богъ разъ даровалъ намъ и соблаготволилъ на это, намъ уже можно преодолевать силу враговъ и побѣждать власть діавола, если не захотимъ повиноваться зовущему насъ къ чувственному наслажденію или другого рода грѣху. Вѣдь какъ скоро мы предадимъ ему свою волю и влеченіемъ ко злу окажемся отдавшими себя въ сѣть его, то развѣ справедливо будетъ обвинять еще кого либо другаго, а не напротивъ—приписывать вину своимъ собственнымъ безразсудствамъ? И не есть ли это то самое, что уже давно сказалъ Соломонъ: „безразсудность человѣка вредитъ путямъ его, и Бога обвиняетъ въ сердцѣ своемъ“ (Притч. 19 3). Но это безспорно. Поэтому, если предателю наравнѣ съ другими учениками не возможно было получать помощь отъ Спасителя, то пусть докажетъ это кто-либо, и мы согласимся. Если же онъ, имѣя наравнѣ съ другими ограду (около себя) божественной благодати, по собственному желанію упалъ въ ровъ погибели, то развѣ Христосъ не соблюлъ его, оказавъ ему Свое милосердіе и, сколько дѣло касалось до поданія помощи человѣку, спасъ бы его ¹⁾, если бы онъ самъ по собственной волѣ не пожелалъ подвергнуться (злу)? Такъ сіяла благодать въ другихъ, всегда спасаая тѣхъ, кои свою волю дѣлали какъ бы сотру-

¹⁾ Т. е. съ своей стороны оказалъ помощь Іудѣ для спасенія его. Въ-это *дѣлѣ* Пюзея предлагаетъ читать *дѣлѣ*, но можно и *дѣлѣ* *дѣлѣ*.

ницею ея (помощницею благодати), ибо такъ устроится образъ спасенія каждаго.

XVII, 13. *И сія глаголю въ міръ, да имуть радость Мою исполнену въ нихъ (себѣ) ¹⁾.*

Припомни опять, что мы только что говорили, и ты вполне уразумѣешь смыслъ приведеннаго текста. Вездѣ Онъ выдерживаетъ предъ нами двойственное представленіе о Своемъ лицѣ, показуя и блистающее въ Немъ божественное достоинство и въ промыслительныхъ цѣляхъ не отвергая и подобающую Его человечеству ограниченность. И въ самомъ дѣлѣ, нелѣпо было Ему желать отрицаться отъ того, что добровольно Имъ было воспринято ради насъ. Ни въ чемъ не имѣя нужды и совершенный во всемъ отъ совершеннаго Отца, Онъ уничижилъ Себя, не о какой либо Своей собственной пользѣ стараясь, но намъ самимъ доставляя благо отъ этого уничиженія. Итакъ, одновременно представляя Себя и Богомъ и человекомъ, Онъ какъ бы убѣждаетъ учениковъ понять, что и въ отсутствіи и въ присутствіи Своемъ Онъ одинаково можетъ совершать то, что содѣйствуетъ имъ къ спасенію по Богу, и какъ соблюлъ ихъ, еще находясь съ ними на землѣ по человечеству, такъ будетъ охранять ихъ и въ Свое отсутствіе, по божеству, благодаря Своей божественной сущности. Вѣдь божество хотя и не находится въ какомъ-либо мѣстѣ, но и не отсутствуетъ рѣшительно ни въ чемъ изъ сущаго: Оно наполняетъ все и чрезъ все проходитъ, и внѣ всего и во всемъ находится.

А обращаясь къ Своему Отцу съ словами: „Отче Святой, соблюди ихъ“, тутъ же представилъ Себя

¹⁾ Кир. εν «δού;», какъ и въ толкованіи въ одномъ мѣстѣ согл. многимъ Греч, но въ др. мѣстѣ согл. автор: ἐαυτοῖ;—и Слав: *въ себѣ*.

какъ дѣйствительную и во всемъ дѣйствующую силу Отца. Именно въ одно и то же время показываетъ, что Онъ не внѣ Его природы, но въ ней и изъ нея существуетъ и имѣетъ нераздѣльное съ нею единеніе, хотя и мыслится существующимъ Самъ по Себѣ, ибо говоритъ: „Соблюди ихъ въ имени Твоемъ, что далъ Ты Мнѣ“, и опять: „когда Я былъ съ ними, Я охранялъ ихъ въ имени Твоемъ, что далъ Ты Мнѣ“. (ст. 11—12). Отсюда необходимо думать, что какъ Самъ Онъ уже соблюлъ въ имени, данномъ Ему отъ Отца, то-есть въ славѣ божества, „ибо даровалъ Ему имя выше всякаго имени“ (Филип. 2, 9), такъ опять желаетъ, чтобы и Самъ Отецъ также соблюлъ въ имени, данномъ Ему, такъ какъ Онъ не долженъ исключаться изъ участія въ этомъ дѣлѣ. Это потому, что Отецъ будетъ охранять истинно вѣрующихъ въ Него чрезъ Единороднаго, какъ чрезъ Свою силу, такъ что Онъ не дѣйствуетъ ни въ чемъ изъ сущаго, какъ только чрезъ Него. Поэтому, если и (будучи) съ плотью Онъ соблюлъ (учениковъ) властію и славою божества, то какимъ образомъ можетъ оказаться Онъ переставшимъ удостоивать учениковъ потребнаго имъ милосердія и развѣ можетъ случиться прекращеніе охраны ихъ съ стороны Его, хотя божественная власть Единороднаго всегда пребываетъ и присущая Ему по природѣ сила остается въ неизмѣнной твердости? Вѣдь божеству, всегда обладающему непрестанно присутствующими Ему преимуществами, отнюдь не свойственны перемѣна или превращеніе въ какое-либо худшее состояніе.

Итакъ, Я сказалъ, говоритъ, это „*въ міръ, дабы Наши ученики Мою имѣли радость исполненною въ нихъ*“. Какимъ же это образомъ, скажемъ далѣе, не желая оставлять какую либо неясность въ этомъ изреченіи.

Блаженные ученики думали, что, когда Христосъ пребывалъ и сожителствовалъ съ ними, разумѣется по плоти, они легко будутъ освобождаться отъ всякой бѣды, безпрепятственно избѣгать опасностей со стороны іудеевъ и пребывать недоступными для желающихъ имъ вредить,—а когда отдѣлится отъ нихъ и уйдетъ на небо, они легко подпадать будутъ всякой опасности и даже подвергнутся самому крайнему бѣдствію, такъ какъ не будетъ уже никого, кто бы въ состояніи былъ защищать ихъ и отвращать нашествіе искушеній. По этой то вотъ причинѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ни отрицая разъ принятое человѣчество, ни показуя Себя не имѣющимъ божественнымъ власти, то и другое проявлялъ въ Своей рѣчи, говоря, что какъ человѣку Ему дано имя божества, однакожъ милость и охраненіе въ Немъ и чрезъ Него совершается отъ Отца надъ чтущими Его. Какая же мудрость заключается въ этихъ словахъ? Та, чтобы блаженные ученики узнали и вполнѣ поняли, приложивъ къ этому изреченію острый умъ, что, и присутствуя съ плотью, Онъ совершалъ дѣло спасенія ихъ не чрезъ нее, но славою и всемогущею силою Своего божества. Поэтому, говорить, никакого вреда не послѣдуетъ для учениковъ отъ того, что Онъ не будетъ присутствовать съ плотью, такъ какъ божественная власть Единороднаго легко можетъ охранять ихъ, хотя бы даже плоть сама и не являлась присутствующею.

Говоримъ это отнюдь не потому, чтобы мы не придавали никакого значенія святому тѣлу Христову, но потому, что дѣйственность въ этомъ дѣлѣ подобаетъ усвоить именно славѣ божества, ибо и само тѣло Господа освящалось силою соединеннаго съ нимъ Слова, почему и является дѣйственнымъ для насъ

въ таинственномъ благословеніи (евхаристіи), такъ что можетъ и въ насъ внѣдрять свою святость. Объ этомъ и Самъ Спаситель, ведя нѣкогда бесѣду съ іудеями и много разсуждая о Своей плоти, называя ее дѣйствительно животворнымъ и истиннымъ хлѣбомъ, гороритъ: „ибо хлѣбъ, что Я дамъ вамъ, плоть Моя есть, что Я дамъ за жизнь міра“ (Іоан. 6, 51). Когда же они очень поразились и не мало недоумѣвали, какъ это природа тварной плоти можетъ быть для нихъ виновницею вѣчной жизни, Онъ въ отвѣтъ сказалъ: „плоть не значитъ ничего, Духъ животворитъ: слова, что Я изрекъ вамъ, духъ есть и жизнь есть“ (ст. 63). И здѣсь также говоритъ, что плоть ничего не можетъ значить, очевидно для освященія и животворенія принимающихъ ее, насколько это касается природы человѣческой плоти. Но поскольку она мыслится и признается за храмъ Слова, постольку, безъ сомнѣнія, и должна быть виновницею какъ святости такъ и жизни, но и именно не благодаря, конечно, себя самой, но благодаря соединенному съ нею Богу, который святъ и жизнь есть. Поэтому все относя къ дѣйственности божества, говоритъ, что для Его учениковъ отшествіе Его съ плотью, въ отношеніи къ ихъ охраненію, не будетъ имѣть никакого вреда. Вѣдь если и сокроется на небеса, Спаситель не будетъ отсутствовать отъ любящихъ Его, но будетъ продолжать пребываніе съ Ними силою Своего Божества.

Итакъ „чтобы имѣли радость Мою исполненною въ себя самихъ“, это изрекъ Я въ міръ“, говоритъ. Какая же это „исполненная“ и совершенная „радость“?— Знать и вѣрить, что Христосъ былъ не только подобный намъ человѣкъ, но что вмѣстѣ съ этимъ подобіемъ намъ, кромѣ одного грѣха, Онъ есть и Богъ